
ТАУТОНИМ КАК СПОСОБ ДЕМОСТРАЦИИ АМБИВАЛЕНТНОСТИ НАТУРЫ ГЕРОЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

О.Н. Гуцалюк

Кафедра русского языка
Московский педагогический государственный университет (МПГУ)
ул. Малая Пироговская, 1, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена анализу дублированного имени Гумберт в романе В. Набокова «Лолита». Актуальность статьи вызвана поиском новых подходов к изучению идиостиля писателя — применением общей теории номинации, теории нарратологии для анализа функциональной и эстетической значимости номинаций в тексте романа В. Набокова «Лолита».

Ключевые слова: номинация, двойное имя, двойственность природы, повествователь, амбивалентность, вымышленное имя.

Номинации главного героя романа В. Набокова «Лолита» являются одним из основных способов выражения его оценки в романе. Они служат средством внешней и внутренней характеристики героя. Номинации главного героя не только обозначают, идентифицируют героя, но и выделяют в нем характеризующие признаки.

Символичность номинации главного героя романа В. Набокова «Лолита» определяется уже в предисловии к произведению. Доктор философии Джон Рэй объясняет читателям, что имя Гумберт Гумберт придумано автором «Исповеди Светокожего Вдовца»: «Причудливый псевдоним... автора — его собственное измышление; и само собой разумеется, что эта маска — сквозь которую как будто горят два гипнотических глаза — должна была остаться на месте согласно желанию ее носителя» [3. С. 17—18].

Повествователь называет себя по имени, когда обращается к изображению главной страсти, движущей его жизнью, — страсти к маленьким девочкам. С этого момента героем-повествователем вводится его двойное имя Гумберт Гумберт, которое он сам себе выбрал в качестве маски. С одной стороны, перед нами «исключительный красавец, со сдержанными движениями, с мягкими темными волосами и как бы пасмурной, но тем более привлекательной осанкой большого тела» [3. С. 38]; «весьма утонченный мужчина» [3. С. 61]; «красивый брюнет» [3. С. 209]; «неотразимый господин Гумберт» [3. С. 88]; «мирный эрудит» [3. С. 33]; «обаятельный квартирант» [3. С. 63] и т.д. С другой — это «художник и сумасшедший, игралище бесконечных скорбей, с пузырьком горячего яда в корне тела» [3. С. 75]; «человек с сексуальным изъяном» [3. С. 38, 74], «отвратительный, подлый, преступный обманщик» [3. С. 113]. Все существование Гумберта Гумберта подчинено одной навязчивой идее, и все имена, даваемые им себе, он определяет реальностью страсти к Лолите, ситуациями, связанными с их взаимоотношениями. Гумберт говорит: «Мир мой был расщеплен», «я вижу его аккурратно разделенным на просторный свет и узкую тень: свет относится к радостям изысканий в чертогах библиотек; тень — к попытке желаний, к бессоннице»

[3. С. 31]. «... Если фамилию „Гумберт“ (Humbert) прочесть на французский манер, она может восприниматься как омоним слова „ombre“ (‘тень’). Вместе с тем она омонимична испанскому «hombre» (‘человек’). Используемое удвоение (Гумберт Гумберт) может пониматься как «тень человека» (ombre of an hombre). Здесь можно усмотреть намек на мрак наваждения, в котором пребывает повествователь, он же может рассматриваться как тень автора, как марионетка, лишенная инициативы набоковианской игровой стратегией» [1. С. 130].

Имя, взятое повествователем, обусловлено собственной оценкой личности. Она также двойственна, как и имя героя-повествователя. С одной стороны, «мною выбранное имя всего лучше выражает требуемую гнусность» [3. С. 18]. С другой стороны, Гумберт — имя, принадлежащее итальянскому королевскому роду. Таким образом, оно выбрано не только «для требуемого выражения гнусности», но и как выражение завышенной самооценки героя-повествователя. Это некто особый, величественный, стоящий над обыденным миром, человек высшего порядка. Поэтому, когда Гумберт овладевает Лолитой, он именуется не иначе, как Гумберт *Грозный*, Гумберт *Смелый*, Гумберт *Первый* и т.д.

Двойственность Гумберта обусловлена внутренними противоречиями. Он воспринимает себя как человека, стоящего выше окружающих, чутко воспринимающего прекрасное и отличающего его от пошлого. В то же время он трусливое, гнусное существо, обуреваемое похотью, желаниями, в чем считает себя виноватым, терзается, но ничего поделать с этим не может. Двойственность Гумберта заключается и в противоречии между его статусом, поведением в обществе и сутью. С одной стороны, это хорошо воспитанный джентльмен, с другой — человек, терзаемый темными страстями. «Гумберт Гумберт усердно старался быть хорошим. Ей-богу старался... Но как билось у бедняги сердце, когда среди невинной детской толпы он замечал ребенка-демона...» [3. С. 32].

А.Б. Пеньковский, рассматривая русские персонифицированные наименования, построенные по модели «имя + отчество», выделяет особую группу антропонимов, в которых составляющие этой модели дублируются. Они называются таутонимами [4. С. 331]. Таутонимы в русской фольклорной, а затем в литературной традиции имеют символическое значение. Подобные образования используются как знаки «чужого мира». Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что имя героя-повествователя указывает на его принадлежность к «другому миру», миру «нимфолепсии». Удвоение имени свидетельствует о непричастности его владельца к общей традиции, нарушении общечеловеческих связей. Таутонимические имена используются в качестве знака лица, вырванного из генеалогического ряда. Таутонимы, построенные на тавтологическом повторе, выражают одновременно «сакральное и профанное, высокое и низкое, серьезное и смешное» [3. С. 368], что в полной мере реализуется в номинации Гумберт Гумберт, встречающейся в романе семь раз.

Нарратор употребляет номинацию Гумберт Гумберт, когда необходимо указать на амбивалентность природы героя. Теневая сторона его личности изображается повествователем как «сокровеннейшая подкладка», а насильственное раскрытие тайны представляется ему как «выворачивание наизнанку» и «выдирание»

из него истины: «Гумберт Гумберт, обливаясь потом в луче безжалостного белого света и подвергаясь окрикам и пинкам обливающихся потом полицейских, готов теперь еще кое-что „показать“ (quell mot!), по мере того как он выворачивает наизнанку совесть и выдирает из нее сокровеннейшую подкладку» [3. С. 115]. Прежде всего использование полного имени происходит, когда речь идет о «преступной страсти» героя.

Возможность раскрытия тайной сути Гумберта другими людьми является для него самым страшным. Когда Шарлотта, прочитав дневник, раскрывает его замыслы, Гумберт впервые оказывается перед судом, которого так боялся: «Моя прекрасная обвинительница остановилась, глотая свой яд и слезы. Что именно Гумберт Гумберт сказал — или пытался сказать — не имеет значения» [3. С. 113]. В этот момент Гумберт находится в самом ужасном для него положении, поскольку его вторая натура так неожиданно для него была разоблачена.

Наибольшее количество номинаций *Гумберт Гумберт* (из 17) встречается в первой части романа (12 номинаций) по ходу развития истории соращения нимфетки. Во всех ситуациях, когда герой оказывается близок к реализации своей мечты, употребляется его двойное имя. «Сцена на диване», или «мускатно-сладкий эпизод» невинного соращения начинается с фразы: «*Гумберт Гумберт* перехватил яблоко» [3. С. 73]. Возникает намек на райское яблоко, запретный плод, ставший причиной грехопадения Адама и Евы. Не случайна в романе номинация *Адам* по отношению к Гумберту (три раза). Гумберт ассоциирует себя с первым человеком. Но вместо Евы появляется Лилит (в иудейской традиции — первая жена Адама). Лилит — это опаснейший демон ночи, принимающий облик обольстительной девушки. Повествователь говорит о демонической сущности обладающих «переменчивой, душеубийственной прелестью» нимфеток, сравнивает их с «маленькими смертоносными демонами». Таким образом, становится явной ассоциативная связь между Лолитой и Лилит. В 1930 г. В. Набоков написал стихотворение «Лилит», в котором дано описание юной обольстительной девочки, соблазняющей героя, набросок сюжета, позднее обработанного и в романе «Лолита» [2. С. 436—438]. Итак, двуликий Гумберт Гумберт принимает плод грехопадения от Лилит, надеясь на осуществление своей мечты.

Употребление двойного имени героя указывает на амбивалентность его натуры, и в некоторых случаях это указание дополняется также номинациями по схеме «имя + эпитет»: «Вернувшись к исправлению должности, он [Максимович] повез Гумбертов, мосье и мадам, домой, и во весь путь Валерия говорила, а Гумберт *Грозный* внутренне обсуждал с Гумбертом *Кротким*, кого именно убьет *Гумберт Гумберт* — ее, или ее возлюбленного, или обоих, или никого» [3. С. 42]. Повествователь демонстрирует ироническое отношение к герою, который не может решиться, как ему поступить в фарсовой ситуации обманутого мужа. В другой ситуации употребление полного имени и в то же время его раздвоение связано с появлением реального двойника Гумберта Гумберта — Куилти, его «можно рассматривать как персонификацию больной совести Гумберта» [1. С. 134]. Здесь герой предполагает появление некоего Гумберта Второго, преследующего Гумберта Первого. Таким образом герой пытается убежать от самого себя.

При описании внешности героя, его статуса в обществе происходит указание на противоречие между внешним видом и сутью Гумберта Гумберта, этим и объясняется употребление его полного двойного имени. Первый пример этого противоречия встречается в дневнике Гумберта: «Но ведь я всего лишь *Гумберт Гумберт*, долговязый, костистый, с шерстью на груди, с густыми черными бровями и странным акцентом, и целой выгребной ямой, полной гниющих чудовищ, под прикрытием медленной мальчишеской улыбки» [3. С. 58]. Здесь рассматриваем описание, демонстрирующее двойственность героя: внешнее очарование и безобидность, прикрывающие собой чудовищную мучительную страсть, которая обозначается ярко, метафорически: «яма, полная гниющих чудовищ». Упоминание чудовищ в выгребной яме совпадает с его собственным описанием: «долговязый, костистый, с шерстью на груди, с густыми черными бровями». Созданный героем портрет впоследствии приобретает параллели с образными номинациями *чудовище* и *зверь*. Такая же ассоциация возникает при описании рук Гумберта Гумберта: «Я слишком много терзал человеческих жертв моими бедными искривленными руками, чтобы гордиться ими: французские фразы, крупные костяшки дорсетского крестьянина, приплюснутые пальцы австрийского портного — вот вам Гумберт Гумберт» [3. С. 123]. Внешний вид Гумберта вызывает мысль, что он «быть может, виконт», но описание его рук противоречит этому представлению: бархатный пиджак и бежевый жилет придают Гумберту облик утонченный и аристократический, но искривленные руки выдают в нем простолоудина.

Да и сам статус Гумберта Гумберта по отношению к Лолите сомнителен: как муж ее матери, он имеет право быть опекуном девочки, но опекунство не оформлено им из-за боязни, что суд будет расследовать «быт кроткого, но скользкого Гумберта». Эту неопределенность собственного положения герой обозначил определениями «новоиспеченный», «довольно темного европейского происхождения» и употреблением полного собственного имени, которые вошли в состав предикатной номинации: «Еще тревожнее всех этих домыслов и забот было то, что *Гумберт Гумберт*, новоиспеченный американский гражданин довольно темного европейского происхождения, не предпринял никаких шагов к тому, чтобы стать законным опекуном девочки (двенадцати лет и семи месяцев от роду), оставшейся после его покойной жень» [3. С. 123—124].

Таким образом, удвоение номинации главного героя имеет функциональную значимость в формировании структуры его образа. Оно служит для создания ненавистного имени для ненавистного человека. На необходимость употребления именно двойного имени героя указывают и другие двойные имена-псевдонимы, которые Гумберт Гумберт перебрал, прежде чем придумал особенно подходящее ему, — «Отто Отто», «Месмер Месмер», «Герман Герман». Номинацию *Гумберт Гумберт* можно рассматривать или как двойное имя, или как номинацию, построенную по модели «имя + фамилия». Можно предположить, что *Гумберт Гумберт* — это сочетание имени и фамилии. Эту точку зрения подтверждают и такая номинация, как *Эдгар Г. Гумберт*, где первая часть представляет собой двойное имя — *Эдгар Г.*, а вторая часть, соответственно, воспринимается как фамилия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Люксембург А.М., Рахимкулова Г.Ф. Магистр игры Вивиан Ван Бок: (Игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура). — Ростов-на-Дону, 1996.
- [2] Набоков В.В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. Т. 5. — СПб., 2000.
- [3] Набоков В.В. Лолита. — М., 1991.
- [4] Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. — М., 2004. — С. 331.

TAUTANIM AS A WAY OF DEMONSTRATING AMBIVALENCE OF THE CHARACTER'S NATURE

O.N. Gutsalyuk

Department of Russian language
Moscow Pedagogical State University
Malaya Pirogovskaya str., 1, Moscow, Russia, 119991

The scientific article is devoted to the analysis of the duplicated name Gumbert in the novel of Nabokov «Lolita». The urgency of clause is caused by research of language of V. Nabokov and defined by search of new approaches to studying special style the writer — application of the general theory of a nomination and of the theory narratology for the analysis of the functional and aesthetic importance of nominations in the text of the novel of V. Nabokov «Lolita».

Key words: nomination, double name, dual nature, narrator, ambivalence, nickname.